

А.С. РОГОЖИНА, г. Орел, Российская Федерация

БОЛЬШЕВИСТСКОЕ РЕШЕНИЕ АГРАРНОГО ВОПРОСА И СИБИРСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО (В КОНЦЕ 1918 – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1919 ГГ.)

Первые аграрные преобразования Советской власти после 1917 г. были связаны с формированием новых форм и принципов землепользования и землевладения, столь ожидаемых большинством российского крестьянства. Новейшая отечественная историография рассматривала отмену частной собственности на землю и ее превращение во всенародное достояние на основе уравнительного распределения как ключевое аграрное требование крестьян, составлявшее некий идеал крестьянского трудового пользования землей и сменившего систему самодержавно-помещичьего насилия¹. Традиционным является также мнение, что большинство российского крестьянства встретило аграрные преобразования с большим воодушевлением, отдав власть поддерживавшим его большевикам. Такие настроения охватывали преимущественно крестьянство Европейской части России. В то же время современный взгляд на события революции позволяет рассматривать и Гражданскую войну только как явление, порожденное революционным процессом, который развернулся на территории всей России, но как неразрывное с событиями 1917 г. их продолжение, как единый революционный поток, начавшийся в 1917 г. В этом контексте представляют интерес настроения крестьянства периферийных и окраинных районов страны (по сравнению с Европейской территорией России), в частности Сибири и Урала, ставшего впоследствии социальной базой власти адмирала А.В. Колчака, особенно на начальной стадии Гражданской войны.

Поэтому, целью настоящей статьи является рассмотрение отношения сибирского крестьянства к решению аграрного вопроса революции 1917 г. в

условиях складывания (формирования) колчаковского тыла в конце 1918-первой половине 1919 г. Историографический интерес к проблеме общественно-политического сознания сибирского крестьянства в настоящее время весьма высок. Объектом научного исследования становятся социальная активность крестьян, крестьянские организации и съезды, проблемы взаимоотношения власти и крестьянского общества в целом². Однако специального исследования проблемы социальных противоречий внутри сибирского крестьянства и его положения в контексте революционных аграрных преобразований в настоящее время не предпринято.

Территория бывшей Российской империи к востоку от Урала была заселена значительно меньше, по сравнению с Европейской частью России. Если плотность населения в Европейской части России составляла в среднем 22 человека на квадратный километр, то к востоку от Урала – 0,5 человека на квадратный километр (по данным Первой Всероссийской переписи населения 1897 г.). При этом в основном были заселены территории Урала, Западной Сибири и Дальнего Востока. Восточная Сибирь была относительно малолюдна. По составу населения, если не считать коренное население, это были казаки, поселившиеся здесь сравнительно раньше других групп населения, крестьянство, начавшее заселять указанные территории сравнительно поздно, в конце XIX–начале XX вв. и рабочие уральских заводов, появившиеся здесь со второй половины XVIII в. Крестьянское население, безусловно, было господствующим по численности. Из 9 – 10 млн населения только 300 – 400 тыс. были рабочими. В Сибири практически никогда не было крепостного крестьянства. Почти вся земля в Сибири была либо крестьянской, либо государственной³. Да и само крестьянство жило значительно лучше русского крестьянства Европейской части России. Уровень жизни и прожиточный минимум уральско-сибирского крестьянского населения к 1917 г. был значительно выше. Этим объясняется

и его отношение к большевистской революции, к красным и к белому движению.

Расслоение крестьянства, вызванное аграрной революцией, началось в Сибири раньше, чем в Европейской России. Оно приняло своеобразные, специфически сибирские формы борьбы «новоселов» против «старожилов». «Районы подтаежные, - отмечает А. Колосов, - оторванные от центра, наиболее глухие, наименее грамотные стояли за одну ориентацию в политических вопросах, а районы земледельческие, хлебопашеские – за другую. При этом оказывалось, что первые районы – переселенческие, вторые – старожильские»⁴. Переселенцы привыкали ко всякого рода ссудам, которые развращали их и рабочее население, перерождали в нищих, попрошайек-профессионалов». Возникла своего рода «бродячая Русь», хищнически обращающаяся с землей, лесом, природными богатствами. Этот бесхозяйственный элемент в сибирской переработке, конечно, должен был отнестись очень сочувственно к таким политическим лозунгам, как, например, захват чужой земли. Последнюю же можно было отбирать только у старожилов и казаков⁵.

В свою очередь, А.А. Зайцов, характеризуя социально-политическое состояние сибирского населения, преимущественно крестьянского, отмечал, что «из остальных окраин Сибирь медленнее всего воспринимала советскую власть. Отсутствие в Сибири крупного частного землевладения лишало в глазах сибирского крестьянства советскую власть главной ее приманки: дележ земли, когда делить было нечего, конечно, не мог явиться лозунгом, привлекающим на ее сторону широкие массы крестьян»⁶. Как и Н.Н. Головин, автор обращает внимание лишь на один важный аспект социального расслоения в Сибири, специфический именно для этого региона России: «земельный вопрос в Сибири сводился к расслоению крестьянства на зажиточных и неимущих «новоселов», т.е. переселенцев последних годов, не успевших ни обзавестись хозяйством, ни получить достаточных земельных

наделов»⁷. А.А. Зайцов дает, пожалуй, более точное определение социальному положению «новоселов», по крайней мере, их большинству: «Лишь эта последняя категория, особенно многочисленная на Алтае и между Енисеем и Ангарой, представляла собой полупролетариат, склонный к восприятию советских лозунгов»⁸. По мнению Г.К. Гинса, сибирский крестьянин, точнее коренной, «старосел», «относился к земельному вопросу равнодушно»⁹. Подытоживая, А.А. Зайцов делает вывод: «В общем, Сибирь в 1918 г. не являлась ни опорой советской власти, ни очагом контрреволюции. Она была нейтральной»¹⁰.

«Нужно иметь в виду, что Сибирь, - отмечал, дополнял и уточнял в связи с изложенным выше белый генерал колчаковской армии П.П. Петров, - стоявшая далеко от фронта, была настроена вовсе не воинственно, мобилизованные если и являлись по призыву, то это не значит, что шли охотно против большевиков. Сибирь еще в большей степени, чем Поволжье, была ко времени переворотов не тронута большевиками. Еще в городах кое-кто пострадал, а деревня стояла далеко от влияния большевиков»¹¹. В частности генерал П.П. Петров оставил краткую обрисовку социально-экономического состояния и настроения крестьянства на Тоболе. «Район был богатейший хлебом, маслом, - вспоминал он. - Плохо было то, что на покупку местных запасов денег не отпускалось, так как предполагалось, что все необходимое должно подаваться натурой. Это все необходимое считалось, конечно, по существующим нормам для обычного солдатского довольствия, а между тем в Гражданскую войну нормы на самом деле были давно потеряны, и довольствия требовалось гораздо больше. Сегодня ели сытно, а завтра так себе. Поэтому приходилось разбирать жалобы на реквизиции, хотя, в общем, население относилось здесь к нам очень сочувственно и кормило охотно»¹².

Таким образом, если нельзя считать сибирско-уральское крестьянство сторонниками большевистской революции, то и видеть в них активных

сторонников белого движения тоже вряд ли следует. «Эх, не то, барин, - рассуждали крестьяне в разговоре с генералом К.В. Сахаровым, - нам бы какая власть ни была, все равно, - только бы справедливая была да порядок бы установила. Да чтобы землю за нами оставили. Если бы землю-то нам дали, мы бы все на Царя согласились»¹³.

Поэтому, из-за властной слабости «в массах народных к Директории относились совершенно безразлично, слои интеллигентные – неодобрительно, а армия на фронте буквально начинала ее ненавидеть и глухо волновалась, спрашивая, за кого же и для чего она будет проливать кровь и жертвовать жизнями, раз нет веры и нет малейшей очевидности, что новая мифическая власть может спасти и оздоровить Россию»¹⁴.

Такая позиция уральско-сибирского крестьянства красноречиво проявилась во время военной кампании 1919 г. «Наступление весной показало, - отмечал генерал П.П. Петров, - что отношение населения, как к нам, так и к большевикам одинаковое. Нас встречали хорошо, иногда с радостью, но, увы, скоро начинались жалобы и на реквизиции, и на самоуправства, и просто на тяжесть военного постоя. На пути нашем из Уфы через Стерлитамак к Богородскому большевики при отходе безжалостно отбирали лошадей для подвод – нам ничего не оставалось. Население ругало их, проклинали; целые толпы крестьян попадались нам навстречу – они двигались за большевиками и старались вернуть лошадей. Иногда это удавалось. Там, где мы стояли долго, начинали ругать нас. Перебежали к нам крестьянские парни, только что перед нашим приходом мобилизованные в этой местности. Мы их отпускали домой, они с радостью уходили. Но когда их спрашивали, не хотят ли идти против большевиков, чистосердечно заявляли, что не хотят. Большевики в это время только что начинали вводить в деревне комбеды, которые еще не показали себя. Кажется, в Богородском приносили мне какие-то протоколы заседания сельского комбеда по вопросу об иконах. Было получено распоряжение из уезда выбросить иконы из

помещений сельских советов. Какой-то комбед решил, что это исполнять не следует «по причине привычки населения к суевериям»¹⁵.

Тем не менее, во время весеннего наступления колчаковской армии отношение населения, крестьянского, прежде всего, было явно антибольшевистским. «Порядок очень плохой, - писал житель Челябинска, из Оренбургской губернии. – За делом смотрят плохо и принуждают записываться в коммунистическую партию, но на нее здесь смотрят плоховато, да и солдаты говорят, что коммуны у нас не должно быть; мы идем воевать не за коммунистов, а за советскую власть»¹⁶.

По свидетельству генерала К.В. Сахарова, относящемуся ко времени весеннего наступления колчаковской армии в 1919 г., «в с. Марьевка несколько тысяч населения и, несмотря на будни, почти все оставались дома. На мой вопрос о причинах такой перемены как раз теперь, когда они завладели землей, крестьяне ответили так:

- Видишь, барин, нам это не способно: одно дело, кто землю-то нам продал? Неизвестно. А другое дело война, - все равно пропадет. Ты посеешь, потрудишься, а Красная гвардия придет, половину стравит (потопчет), а другую половину отнимет...»¹⁷.

Сравнительно зажиточные урало-сибирские деревни не испытывали потребности в реализации большевистского «Декрета о земле» и тем более совсем не желали введения у них продразверстки. Поэтому крестьяне приветствовали войска адмирала А.В. Колчака, ждали их и готовы были им помогать продовольствием. «Однажды в эти дни (май 1919 г.), - обратимся вновь к воспоминаниям генерала К.В. Сахарова, - я ехал в автомобиле к войскам на правый фланг армии, мы обогнали длинный, растянувшийся крестьянский обоз.

- Какой части?

- Дуванской волости, - отвечали возницы.

- Что везете?

- Хлеб.

- Куда?

- Да в армию, значит, везем.

Никого из представителей интендантства не было, не видно команды при обозе. Непорядок. Но собравшиеся около автомобиля крестьяне сейчас же разъяснили недоразумение.

- Вишь, Ваше Превосходительство, прослышали мы, что в Вашей армии хлеба нехватка, ну наша волость собрала сход, и постановили, кому сколько испечь караваев. Вчерась пекли, собрали шестьсот пудов. А вот теперь, значит, мы и везем хлебушко-то... - тихим, ласковым голосом рассказывал мне белый как лунь старик крестьянин»¹⁸.

Крестьянство оказывало помощь белой армии не только продовольствием, но и иного характера, одеждой, обувью и т.п. «По всему Златоустовскому уезду собирали крестьяне совершенно добровольно одежду и даже несколько сот пар сапог, - вспоминал генерал К.В. Сахаров, - в этом они сами очень нуждались. Об их подъеме, об их готовности жертвовать всем для спасения родины от большевиков, за которыми они своим здоровым инстинктом чувствовали чуждый народу, враждебно и злорадно ненавидящий все русское интернационал, - обо всем этом свидетельствуют ряд подобных фактов и множество документов, приговоры сельские, волостные и заводские»¹⁹.

В этот период времени в составе колчаковской армии появлялись и достаточно многочисленные добровольческие отряды, составленные из местного населения. Некоторые из них достигали полковой численности.

«Уфимские и камские полки имели в своих рядах больше крестьян – население этих районов определенно встало все против большевиков, - вспоминал генерал Сахаров. - Как пример могу привести 30-й стрелковый Аскинский полк, сформированный из жителей волости этого названия; полк дрался выше похвалы, а волость давала не только пополнение людьми, она

снабжала полк одеждой, обувью, обозом и пищевыми продуктами. ...Или другой полк, 15-й стрелковый Михайловский, стяжавший себе боевую славу как один из первых; он был сформирован и пополнялся жителями Михайловского уезда, посылавшими подкрепления по первому слову»²⁰.

Что касается социально-политического настроения рабочих Урала и Сибири, которых красная сторона назвала одной из главных опор Красной армии и грядущей советской власти, а белая, наоборот, стремилась представить как социальный слой в большинстве своем сочувственно относившийся к режиму адмирала А.В. Колчака, ссылаясь, преимущественно на рабочие восстания в Ижевске и Воткинске, то на этот счет представляется наиболее взвешенной точка зрения А.А. Зайцова.

«И политически, и с чисто военной точки зрения Ижевское восстание имело, конечно, первостепенное значение». Однако из последующих рассуждений автора становится понятной политическая позиция выраженная восставшими ижевскими рабочими. «Связанные с землей рабочие-хлебопашцы Ижевского и Воткинского заводов, - эта особенность социально-экономического бытия указанных рабочих весьма важна, - были органически враждебны советской, хотя и рабочей, по преимуществу, власти. В лице ижевцев и воткинцев Восточный фронт белых, наконец, обрел те подлинно народные элементы, которые могли заменить «уставших» от борьбы чехов и дать пополнение Народной армии. Пример этого восстания ярко показал, что заводской Урал в лице его землепашцев-рабочих мог и должен был быть использован белой стороной. В лице уральских рабочих белая сторона получала ту опору населения, которой ей так не хватало»²¹. Но завершает свои рассуждения А.А. Зайцов весьма важным замечанием: «Однако Ижевско-Воткинское восстание осталось лишь эпизодом в борьбе»²².

Насколько позволяют судить письма простых людей, крестьян, горожан, даже в регионах России, находившихся далеко на западе от территории «Омского правителя», в Нижегородской, Ярославской, Тверской,

Калужской, Московской, даже в Новгородской губерниях, в июне, июле, даже еще в августе 1919 г. с нетерпением и надеждой ожидали прихода колчаковских войск как избавителей от «красного ига».

«Все с большой надеждой ждут, и в глубине – с сочувствием, А.В. Колчака, - писал в своем письме от 12 июня 1919 г., - крестьянин с. Вешажанково Ярославской губернии, - ожидая, что при его пришествии с тем количеством денег, которыми все запаслись, они не только не пропадут, а, напротив, заживут припеваючи...»²³.

В более дальней, Калужской губернии также с нетерпением ждали прихода белой армии адмирала А.В. Колчака. «Все взоры народа обращены на восток, откуда ожидают своего избавителя Колчака, - писал 9 июня 1919 г. житель городка Хвостовичи, - который свергнет ненавистное всем иго коммунизма»²⁴. В с. Зубцово, в Тверской губернии крестьяне были уверены, что «придет А.В. Колчак, не будет такого беспорядка, хоть будет хуже, а будет порядок и хлеб...»²⁵. Такого рода настроения были характерны не только для сельского, крестьянского населения, но и для фабрично-заводских рабочих. «У нас на фабрике говорят, - писал один из них, житель г. Щелково, 14 июня 1919 г., - что скоро придет А.В. Колчак; народ не дождется, скоро ли это установится»²⁶. А в нижегородском с. Кекино, даже когда войска адмирала А.В. Колчака уже потерпели тяжелые поражения в Златоустовской и Челябинской операциях, жители продолжали надеяться на приход его войск. «У нас все-таки А.В. Колчака ждут, как Бога», - писал один из них²⁷. И это не был единичный случай. 30 июля в с. Крестовниково той же Нижегородской губернии другой крестьянин писал: «Наши мужички никак не дождутся, когда придет А.В. Колчак, урожай плохой, хуже летошнего, рожь очень редкая, был град и все переломал»²⁸. Таким образом, общий настрой крестьянского, да и городского населения, и не только на Урале и в Сибири, но и в европейских губерниях России в указанный период времени был в пользу режима и армии адмирала Колчака.

Подытоживая рассмотрение колчаковского тыла с конца 1918 г. до начала летнего наступления Красной Армии в 1919 г., можно отметить в качестве наиболее существенного следующее.

Прежде всего, социальная структура основной массы населения, проживавшего на территориях подконтрольных «омскому правительству», а именно, крестьянства была неоднородна. Если основное социальное противоречие на Европейской территории России было обусловлено отношениями между землевладельцами и основной массой крестьянства по земельному вопросу, то на Урале и в Сибири это были социальные противоречия между крестьянами-староселами и крестьянами-новоселами. При этом, пока колчаковская армия успешно наступала и одерживала победы над красными, отношение крестьянского населения к режиму адмирала А.В. Колчака было преимущественно лояльным. Он пользовался поддержкой основной массы населения. Следует отметить, что такое отношение к «омской власти» было обусловлено также и недовольством военно-политическими действиями советской власти и Красной Армии. Реализация социально-экономической политики большевиков на территории Урала и Сибири, в отличие от Европейской России, приводила к ухудшению положения основной массы населения и, естественно, рождало крайне негативное отношение его к советской власти. Крестьянское население с готовностью помогало продовольственными продуктами наступающей колчаковской армии, но в массе не проявляло большого желания пополнять ее ряды.

¹Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. – М.:РОСПЭН, 1998. Milov L.V. **Velikorusskij pakhar' i osobennosti rossijskogo istoricheskogo protsessa**. [The Great plowman and the peculiarities of the Russian historical process] М.: ROSSPEN, 1998 ; **Осипова Т.В.** Российское крестьянство в революции и гражданской войне. – М.: Стрелец, 2001. Osipova T.V. **Rossijskoe krest'yanstvo v revolyutsii i grazhdanskoj vojne**. [The Russian peasantry in the revolution and the civil war] М.: Sagittarius, 2001; **Поршнева О.С.** Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат в период первой мировой войны. – Екатеринбург, 2000. Porshneva O.S. **Mentalitet i sotsial'noe povedenie rabochikh, krest'yan i soldat v period pervoj mirovoj vojny**. [The mentality and social behavior of workers, peasants and soldiers during the First World War] Ekaterinburg, 2000.

²Зыкова В.Г., Якимова Т.В. Общественно-политическая жизнь сибирского крестьянства в 1917 г. // Из истории социальной и общественно-политической жизни Сибири. – Томск, 1992. Zyкова V.G., YAkimova

T.V. **Obshhestvenno-politicheskaya zhizn' sibirskogo krest'yanstva v 1917 g.** [Social and political life of the Siberian peasantry in 1917]. **Iz istorii sotsial'noj i obshhestvenno-politicheskoy zhizni Sibiri.** [From the history of social and political life of Siberia] Tomsk, 1992; **Якимова Т.В.** Крестьянские съезды Западной Сибири в период установления Советской власти (ноябрь 1917 – май 1918 гг.) // Октябрь и гражданская война в Сибири: История. Историография. Источниковедение. – Томск, 1993. Якимова Т.В. **Krest'yanskie s'ezdy Zapadnoj Sibiri v period ustanovleniya Sovetskoj vlasti (noyabr' 1917 – maj 1918 gg.)** [Peasant with a "drive in Western Siberia during the Soviet power (November 1917 - May 1918)]. **Oktyabr' i grazhdanskaya vojna v Sibiri: Istoriya. Istoriografiya. Istochnikovedenie.** [The October Revolution and the Civil War in Siberia: History. Historiography. Chronology] Tomsk, 1993; **Черняк Э.И.** Революция в Сибири: съезды, конференции и совещания общественных объединений и организаций (март 1917 – ноябрь 1918 года). – Томск: Издательство Томского университета, 2001. Черняк Э.И. **Revolyutsiya v Sibiri: s'ezdy, konferentsii i soveshchaniya obshhestvennykh ob'edinenij i organizatsij (mart 1917 – noyabr' 1918 goda).** [Revolution in Siberia: congresses, conferences and meetings of public associations and organizations (March 1917 - November 1918).] Tomsk: Publishing house of Tomsk State University, 2001.

³ **Колосов А.** Сибирь при Колчаке (воспоминания, материалы, документы). – Петроград., 1923. С. 236. Kolosov A. **Sibir' pri Kolchake (vospominaniya, materialy, dokumenty).** [Siberia under Kolchak (memories, materials, documents)] Petrograd., 1923. P. 236.

⁴ Там же. Ibid. С. 23. P. 23.

⁵ **Головин Н.Н.** Российская контрреволюция в 1917 – 1918 гг. Т. 2. – М.: Айрис-пресс, 2011. С. 315. Golovin N.N. **Rossijskaya kontrrevolyutsiya v 1917 – 1918 gg. T. 2.** [Russian counter-revolution in 1917 - 1918 gg. T. 2.] M.: Iris Press, 2011. P. 315.

⁶ **Зайцов А.А.** 1918: очерки истории русской гражданской войны. – Жуковский; М.: Кучково поле, 2006. С. 164. Zajtsov A.A. **1918: ocherki istorii russkoj grazhdanskoj vojny.** [1918: Essays on the history of Russian civil war] Zhukovsky; M.: Kuchkovo field, 2006. P. 164.

⁷ Там же. Ibid.

⁸ Там же. Ibid.

⁹ **Гинс Г.К.** Сибирь, союзники и Колчак. Ч. 1. – Пекин: Типография Русской духовной миссии, 1921. С. 32. Gins G.K. **Sibir', soyuzniki i Kolchak. CH. 1.** [Siberia, Kolchak and allies. Part 1.] Beijing: Typography Russian spiritual mission, 1921. P. 32.

¹⁰ **Зайцов А.А.** 1918: очерки истории русской гражданской войны. – М., Жуковский: Кучково поле, 2006. С. 165. Zajtsov A.A. **1918: ocherki istorii russkoj grazhdanskoj vojny.** [1918: Essays on the history of Russian civil war] Zhukovsky; M.: Kuchkovo field, 2006. P. 165.

¹¹ **Петров П.** От Волги до Тихого океана в рядах белых // Восточный фронт адмирала Колчака. – М.: Айрис-пресс, 2004. С. 31. Petrov P. **Ot Volgi do Tikhogo okeana v ryadakh belykh** [From the Volga to the Pacific Ocean in the ranks of white] **Vostochnyj front admirala Kolchaka.** [Eastern Front Admiral Kolchak] M.: Iris Press, 2004. P. 31.

¹² Там же. Ibid. С. 53. P. 53.

¹³ **Сахаров К.В.** Белая Сибирь // Восточный фронт адмирала Колчака. – Мюнхен, 2004. С. 63. Sakharov K.V. **Belaya Sibir'.** [White Siberia] **Vostochnyj front admirala Kolchaka.** [Eastern Front Admiral Kolchak] Munich, 2004. P. 63.

¹⁴ Там же. Ibid. С. 69. P. 69.

¹⁵ Там же. Ibid. С. 34. P. 34.

¹⁶ Частные письма эпохи Гражданской войны. По материалам военной цензуры // Неизвестная Россия. XX век. Вып. 2. – М., 1992. С. 232. **Частnye pis'ma ehpokhi Grazhdanskoj vojny. Po materialam voennoj tsenzury.** [Private letters during the Civil War. According to the materials of military censorship] **Neizvestnaya Rossiya. XX vek. Vyp. 2.** [Unknown Russia. XX century. Vol. 2.] M., 1992. P. 232.

¹⁷ **Сахаров К.В.** Белая Сибирь // Восточный фронт адмирала Колчака. – Мюнхен, 2004. С. 63. Sakharov K.V. **Belaya Sibir'.** [White Siberia] **Vostochnyj front admirala Kolchaka.** [Eastern Front Admiral Kolchak] Munich, 2004. P. 63.

¹⁸ Там же. Ibid. С. 155. P.155.

¹⁹ Там же. Ibid.

²⁰ Там же. Ibid. С. 99. P. 99.

²¹ **Зайцов А.А.** 1918: очерки истории русской гражданской войны. – Жуковский; М.: Кучково поле, 2006. С. 313-314. Zajtsov A.A. **1918: ocherki istorii russkoj grazhdanskoj vojny.** [1918: Essays on the history of Russian civil war] Zhukovsky; M.: Kuchkovo field, 2006. pp. 313-314.

²² Там же. Ibid. С. 314. P. 314.

²³ Частные письма эпохи Гражданской войны. По материалам военной цензуры // Неизвестная Россия. XX век. Вып. 2. – М., 1992. С. 233. **Частnye pis'ma ehpokhi Grazhdanskoj vojny. Po materialam voennoj**

tsenzury .[Private letters during the Civil War. According to the materials of military censorship] **Neizvestnaya Rossiya. XX vek. Vyp. 2.** [Unknown Russia. XX century. Vol. 2.] M., 1992. P. 233.

²⁴ Там же. Ibid.

²⁵ Там же. Ibid. С. 234. P. 234.

²⁶ Там же. Ibid.

²⁷ Там же. Ibid.

²⁸ Там же. Ibid.